

Е. С. Богомякова

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИИ ЭМОЦИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Социальные проблемы традиционно выступали областью прикладной и эмпирической социологии позитивистского толка, оставаясь в стороне от теоретико-методологических поворотов социального знания. В данной статье автор размышляет о социологии эмоций в качестве ресурса обновления современной теории социальных проблем, представленной прежде всего социальным конструкционизмом. Появление социальных проблем в публичном дискурсе и предметном поле науки связано в том числе с изменениями в культурных нормах и практиках, регулирующих эмоциональную сферу человека на индивидуальном и коллективном уровнях. Однако эмоциональные аспекты социальных проблем до сих пор не изучались систематически в современной социологии. В результате обзора актуальных исследований социальных проблем выделены основные направления возможного включения эмоциональных компонентов в анализ. Во-первых, социальные проблемы могут быть рассмотрены как процесс, характеризующийся изменением степени эмоциональной вовлеченности участников и разнообразия эмоциональных проявлений. Социальная проблема проходит путь от максимальной эмоциональной погруженности участников, сопровождаемой коллективно разделяемыми тревогой, страхом, сочувствием к жертвам и гневом по отношению к виновникам до формирования эмоционального опустошения и «усталости сострадать», проявляющихся в практиках избегания информации о проблеме и участия в ней. Во-вторых, феномен «усталости сострадать» нуждается в подробном изучении в современном российском обществе. В-третьих, конструирование идентичностей жертв и виновников проблем сопровождается эмоциональным нормированием, речь может идти о новых формах дискриминации и стигматизации. Особенного внимания заслуживают дискурсивные стратегии конструирования эмоций, как проявление эмоциональных кодов и культурных стереотипов. Библиогр. 23 назв.

Ключевые слова: социальные проблемы, социология социальных проблем, социология эмоций, коллективные эмоции, «усталость сострадать», жизненный цикл проблемы, жертва проблемы, виновник проблемы.

E. S. Bogomyakova

THE POTENTIAL OF THE SOCIOLOGY OF EMOTIONS IN THE STUDY OF SOCIAL PROBLEMS

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Social problems have traditionally been the area of applied and empirical sociology with a positivist approach, while remaining apart from the theoretical and methodological turns in social knowledge. In this article, the author reasons sociology of emotions as a resource to update the theory of social problems based primarily on social constructionism. The emergence of social problems in public discourse and the field of the science is associated with changes in cultural norms and practices regulating the emotional sphere of people at individual and collective levels. However, emotional aspects of social problems still have not received systematic study in modern sociology. As a result, the main directions for possible inclusion of emotional components in the analysis of social problems were identified. First, social problems can be viewed as a process characterized by changes in the participants' degree of emotional involvement and by the diversity of emotional expressions (anxiety, fear, compassion). A social problem goes from maximum emotional engagement of the participants to the formation of emotional devastation and then 'compassion fatigue'. Secondly, the phenomenon of 'compassion fatigue' is worthy of detailed consideration. It is associated with both emotional expressions and ways of

behaviour. Thirdly, we consider the construction of the victims' and the perpetrators' identities accompanied by emotional regulation, and we discuss new forms of discrimination and exclusion. Refs 23.

Keywords: social problems, sociology of social problems, sociology of emotions, collective emotions, 'compassion fatigue', social problem life cycle, victim of problem, perpetrator of problem.

Введение

Исторически сложилось так, что социальные проблемы выступают объектом интереса прикладной и эмпирической социологии. В результате социология социальных проблем является не столько способом теоретического познания социальной реальности, сколько технологией решения актуальных и важных задач общественного развития, а исследовательское поле остается маргинальной областью не только в отечественной, но и в зарубежной социологии. Последней оригинальной концепцией социальных проблем стал социальный конструкционизм, разработанный в 1970-е гг. [1] и сместивший фокус внимания с опасных условий на процесс проблематизации.

Однако в последние десятилетия развитие социальной теории отличают будоражащие социологическое воображение эпистемологические повороты, которые обогатили представления об основаниях социальности и расширили спектр методов и методологических подходов, пригодных для ее изучения. Среди них лингвистический поворот, сетевой поворот, поворот к материальности, аффективный поворот, дигитальный поворот, пространственный поворот и т. д. Безусловно, с момента своего возникновения и до настоящего времени конструкционистские идеи также получили существенное развитие. В частности, можно отметить оригинальную исследовательскую программу изучения дискурса социальных проблем [2], рассмотрение, с одной стороны, *new media* и блогосферы [3], а с другой — повседневных практик [4] как новых сфер определения и продвижения социальных проблем. Тем не менее многие современные исследования социальных проблем остаются в стороне от трансформаций социологической теории и методологии и не так часто включают достижения современной науки в свой тезаурус. Не вызывает сомнений, что использование подобных «находок» позволит обогатить категориальный аппарат и аналитические возможности современной теории социальных проблем. В настоящей статье мы остановимся на социологии эмоций как ресурсе подобного обновления и представим предварительный обзор возможностей включения эмоциональных аспектов в анализ социальных проблем.

За основу мы взяли следующие представления о природе и свойствах социальных проблем, выработанные в современной социологии, в частности в социальном конструкционизме. Во-первых, вместо анализа и оценки величины, меры, а также «реальности» и объективности негативных условий в фокусе внимания исследователей оказываются процессы осознания и определения их в качестве препятствий для удовлетворения потребностей и реализации интересов субъектов и социальных групп, то есть в качестве социальных проблем. Во-вторых, социальные группы, организации и отдельные индивиды являются участниками процессов проблематизации. Социальная проблема — это взаимодействие между различными социальными группами, одни из которых обращаются к другим с требованием изменения текущей ситуации. В-третьих, социальная проблема не является статичным

феноменом, а представляет собой последовательность стадий, которые характеризуются различной силой общественного внимания. В-четвертых, социальная проблема, как правило, является феноменом публичной сферы (public policy), то есть требует публичного обсуждения, интерпретации и коллективного процесса принятия решений. В-пятых, проблематизация выступает языковой практикой, что предполагает анализ риторических и дискурсивных приемов, используемых вовлеченными субъектами.

Социальные проблемы и социология эмоций: точки соприкосновения

Появление социальных проблем в публичном дискурсе и в предметном поле науки во второй половине XIX в. обусловлено двумя ключевыми обстоятельствами: светским рационализмом, который позволил подходить к социальным проблемам рационально и с точки зрения возможностей изменения ситуации, а также гуманизмом как «постепенным расширением и институционализацией чувства сострадания» [5, с. 102]. Социологи сосредоточились на первом факторе, рассматривая социальные проблемы как задачи практического действия и социального реформирования. Без внимания остался второй подмеченный некоторыми исследователями аспект: социальные проблемы связаны с возникшей в культуре XVIII–XIX вв. тенденцией «видеть и осуждать условия несчастий, случающихся с неблизкими, незнакомыми людьми и решимостью изменить эти условия» [5, с. 101], позволяющей рассматривать социальные проблемы как «эмоциональные дилеммы» [6]. Таким образом, для того чтобы социальные проблемы возникли как социальный феномен, потребовался не только перевод «проблем и условий из древнего теологического контекста добра и зла в рационалистический контекст аналитического понимания и контроля» [5, с. 102], но и изменения в культурных нормах и практиках, регулирующих эмоциональную сферу человека на индивидуальном и коллективном уровнях, а именно утверждение норм сострадания и сочувствия к незнакомым людям. Исторический обзор роста и упадка социальных проблем позволяет говорить, что такое сострадание детерминируется различиями в социокультурном контексте (в системе ценностей), а также имеет разнообразные последствия для вовлеченных субъектов. Таким образом, учет и анализ эмоциональных аспектов социальных проблем являются закономерными, однако почти не реализованными до настоящего времени.

Последовательное и систематическое внимание ученых к эмоциональной составляющей социальной жизни связано с именами А. Хохшильд, Дж. Барбалета, Дж. Тернера [7–9]. Значимость эмоций признается как в межличностном взаимодействии, так и в крупных социальных структурах и коллективном поведении. Модель *homo sociologicus* как преимущественно рационального актора модифицируется в «модель «*homo sociologicus affectionalis*», которая теперь включает такие переменные, как чувства, настроения, переживания, объединенные термином «эмоции»» [10, с. 412]. С одной стороны, эмоции противопоставляются «позитивно оцениваемому разуму (мышлению, рациональности), с другой стороны — негативно оцениваемой отстраненности от мира» (цит. по: [12]). Таким образом, социальное взаимодействие оказывается не только рациональным, основанным на когнитивных процессах, но и включающим эмоциональный компонент. Используя

термин «разделяемый аффект» и опираясь на дюркгеймианскую интерпретацию эмоций в исследованиях ритуала, М. Деева приходит к заключению, что эмоции являются предпосылкой любого состоявшегося (успешного) взаимодействия [12]. Кроме того, солидарность предполагает не только позитивные эмоции, она создается и конфликтной ситуацией, так как солидарности противопоставлен не конфликт, а безразличие [13, с. 128].

Различение эмоциональной вовлеченности и безразличия позволяет нам сближить тему социальных проблем и тему эмоций. Социальная проблема предполагает небезразличие (ситуация волнует, беспокоит, тревожит, становится значимой), то есть вовлеченность индивидов и групп в процесс проблематизации. Полагаем, что эмоции выступают и предпосылкой, и содержанием социальных проблем как процесса взаимодействия социальных групп. Для их анализа могут быть использованы и структурные, и конструкционистские объяснения природы эмоций [14]. С одной стороны, исследовательский интерес представляют структуры неравенства и циркуляции власти в обществе, детерминирующие спектр и распределение эмоций среди разных социальных групп. С другой стороны, конструирование эмоций в языке, социальные нормы, регулирующие проявления эмоций («правила чувствования»), а также анализ эмоциональных последствий процесса проблематизации могут обладать значительным объяснительным потенциалом для изучения социальных проблем. Мы рассмотрим примеры анализа эмоциональных аспектов социальных проблем, а также наметим возможные перспективы расширения данной исследовательской области.

Феномен «усталости сострадать»

Первыми в фокусе внимания исследователей оказались вопросы, связанные с наличием или отсутствием сострадания в социально-проблемном процессе, а также их важностью для карьеры социальной проблемы. Рассуждая о том, что социальные проблемы конкурируют между собой за общественное внимание, С. Хилгартнер и Ч. Боск отмечали, что они соперничают также и за «лишнее сострадание», которое люди «могут найти у себя в отношении вещей, находящихся за пределами их непосредственных повседневных забот» [15, с. 154]. Люди живут в отличающихся друг от друга реальностях, что заставляет их беспокоиться по поводу разных социальных явлений — матери-одиночки и успешные бизнесмены, подростки и пожилые будут сопереживать различным социальным проблемам, а соответственно и группам, страдающим от них (детям, ВИЧ-инфицированным, безработным, мигрантам и т. д.). «Отбор людьми социальных условий, причиняющих им беспокойство, определяется их «главным статусом»» [15, с. 156]. Когда приоритеты «главного статуса» удовлетворены, у людей может оставаться немного «лишнего сострадания» — то есть сострадания и сочувствия, которые могут быть проявлены в отношении вопросов и ситуаций, обладающих меньшим личным значением и не касающихся персональной жизненной ситуации. Величина и интенсивность «лишнего сострадания» также определяет готовность действовать, участвовать в решении социальной проблемы — стать волонтером, активистом движения, перечислить денежные средства, принести ненужные старые вещи в пункты помощи малоимущим и т. д.

Хилгартнер и Боск не исследовали выявленный феномен эмпирически, однако их идеи в середине 1990-х гг. легли в основу изучения американскими авторами феномена «усталости сострадать» [16]. Впервые термин «усталость сострадать» был использован в исследованиях эмоционального выгорания (burnout) в профессиях «человек — человек» (врачи, социальные работники, учителя и т. д.). В данном случае исследователи попытались применить его при изучении не межличностной, а опосредованной коммуникации — процесса «охлаждения интереса общественности к социальным проблемам» [16, с. 187]. Они исходили из того, что существует диапазон оптимального уровня эмпатии, в рамках которого человек будет стремиться облегчить свое эмпатическое страдание посредством поведения, нацеленного на помощь, а не на уклонение. Эмпатия, превышающая этот диапазон, может вызывать настолько сильное и мучительное страдание, что оно приводит к поведению, нацеленному на избегание ситуации.

Применительно к социальным проблемам понятие «усталости сострадать» описывает состояние безразличия и опустошенности, вызванное чрезмерными сообщениями СМИ о социальных проблемах. Медиа играют ключевую роль в общественном восприятии, определении и формировании установок в отношении социальных проблем. Они массово транслируют сообщения о социальных проблемах, а форма подачи материала соответствует классическим журналистским ценностям: социальные проблемы освещаются в драматичной форме, с использованием личных историй жертв проблем, сопровождаются шокирующим видеорядом. Насыщение информацией о социальных проблемах имеет предел, за которым эффект становится даже не нейтральным, а отрицательным — вызывает эмоциональную перегрузку и изнеможение, а впоследствии — стратегии уклонения. Между тем данные исследовательского проекта, осуществленного Д. Федоровой под руководством И. Ясавеева, свидетельствуют о том, что такого рода последствия вообще не осознаются частью журналистов. В качестве примера они приводят цитаты из интервью с журналистами казанских и республиканских телекомпаний и газет: *«Специфика нашей программы — слезы, кровь, трагедии, но мы знаем, что зрителю это нравится, люди смакуют сюжеты»* (цит. из интервью с журналистами по: [17, с. 55]).

Кинник, Кругман и Камерон измеряли «усталость сострадать» на примере четырех проблем (СПИД, бездомность, насильственные преступления и жестокое обращение с детьми) с точки зрения эмоциональных, установочных и поведенческих реакций индивида на проблему. В результате опроса более 300 жителей Атланты в 1994 г. они смогли выявить факторы, способные предсказать возникновение «усталости сострадать». Оказалось, что «усталость сострадать» — не личностная характеристика, а социально-ситуационная. Кроме того, были выделены такие особенности СМИ, способствующие формированию эмоционального опустошения, как акцент на сенсационном, преобладание «плохих» новостей, неспособность представить контекст социальных проблем, представление проблем, а не решений [16]. В результате происходит «нормализация» социальных проблем, сопровождающаяся равнодушием, — люди избегают новых сообщений либо воспринимают их как естественную часть социальной реальности.

Роль эмоций в жизненном цикле социальной проблемы

Если спад внимания и интереса к проблеме сопровождается эмоциональным выгоранием, формированием безразличия и реализуется в практиках избегания участия в проблеме (антоним вовлеченности), то можно предположить, что эмоции характеризуют проблему и на других этапах ее существования. Попытаемся обозначить, какие еще аспекты изучения социальных проблем требуют ревизии в контексте социологии эмоций.

На начальном этапе социальная проблема предстает как индивидуальная проблема, как личная неудовлетворенность, тревога и беспокойство, обусловленные возникшей жизненной ситуацией, «поломкой» в привычных ситуациях взаимодействия, нарастанием социальной неопределенности. Используя концепт режимов вовлеченности Болтански и Тевено, Б. Гладарев анализирует рост гражданской активности в Санкт-Петербурге в 2006–2009 гг. [18]. Любопытным оказывается процесс смены режимов вовлеченности — переключение между режимом близости, характеризующимся осознанием и переживанием личной, частной, конкретной проблемы, и режимом критики и оправдания, предполагающим коллективное обсуждение, выработку общих рациональных аргументов и публичные действия. Особенно подчеркивается, что осознание личной проблемы и потребности в ее разрешении сопровождается сильными эмоциональными переживаниями (хотя зачастую смутными). Таким образом, источником возникновения социальной проблемы является преобразование личной неудовлетворенности в публичный протест и публичную активность, которые сопровождаются значительной эмоциональной вовлеченностью. На этом этапе исследование социальных проблем переориентируется на «проблематичную социальность» и может включать анализ способов действия (поведения), чувствования и мышления, лежащих в основании социальной неопределенности и группового недоумения» [4, р. 86]. В результате на микроуровне социальные проблемы как личные трудности связаны с необходимостью преодоления социальной неопределенности, личного дискомфорта и характеризуются эмоциональной погруженностью — ощущением тревоги, страха перед изменением собственного положения.

Однако социальные проблемы — это прежде всего коллективный феномен, результат и процесс публичной «социальной работы» по определению и интерпретации негативных обстоятельств как социальных проблем, то есть задач социального реформирования. До настоящего момента в описании и объяснении указанных процессов исследователи, как правило, прибегали к когнитивным и рациональным моделям: в фокусе их внимания оказывались способы продвижения «своей» проблемы в публичной повестке дня, методы убеждения в важности и опасности проблемы, а также в неотложности ее решения, приемы установления и поддержания морального порядка, оценка степени девиантности включенных групп. Однако иногда самые убедительно научно обоснованные проблемы, такие как загрязнение окружающей среды, бездомность, социальное неравенство и т. д., проигрывают в конкуренции с другими проблемами, вызывающими больший эмоциональный отклик.

Важность изучения эмоциональных аспектов социальных проблем была обозначена некоторыми авторами [19, 20]. По мысли Д. Лазик, «эмоциональная при-

влекательность является критически важной для процесса убеждения аудитории в СМИ, науке, социальной политике, продвижении социальной проблемы» [19, р. 497]. Изучение эмоционального убеждения разнородной аудитории требует выявления «эмоциональных кодов» — своеобразных представлений о том, «какие чувства, к кому, где и когда являются подходящими» [там же]. Эти эмоциональные коды связаны с культурными стереотипами и символическими кодами и реализуются в дискурсивных стратегиях описания социальных проблем и привлечения внимания аудитории. Они способствуют формированию коллективных чувств и эмоций по отношению к участникам социальных проблем — жертвам и виновникам. В частности, данный подход был применен к анализу речи президента США Дж. Буша, посвященной теракту 2001 г. и конструирующей эмоции, с одной стороны, в отношении добропорядочного американца в качестве жертвы и героя, а с другой — злодеев-террористов [там же]. Таким образом, чтобы быть эффективной и убедительной, социальной проблеме необходимо «поддерживать» коллективные беспокойство, сострадание к жертвам проблемы и страх и гнев по отношению к ее виновникам. Для функционеров социальных проблем все острее стоит задача удержать не только общественный интерес к тем или иным обстоятельствам, но и сохранить эмоциональную вовлеченность в социальную проблему, которая определяет и социальные действия, и способы решения проблемы. При переходе социальной проблемы в стадию общественного признания, публичного обсуждения и принятия решений, чувства тревоги, неудовлетворенности и беспокойства становятся коллективными (разделяемыми).

Примером данной стратегии является совместная акция Первого канала и «Русфонда» по сбору денег на лечение тяжелобольных детей. В современной децентристской культуре особым вниманием и сопереживанием пользуются проблемы, связанные с детьми, — вопросы усыновления детей иностранными гражданами, плохой организации детского отдыха, проблемы детей, страдающих от хронических и трудноизлечимых заболеваний. Результаты исследования И. Ясавеева также подтверждают этот факт: *«Интересны трагедии, происшествия, связанные с детьми. Всегда, когда на экране страдает ребенок, он погибает, или ему плохо, он болеет, то это всегда оживляет публику, вызывает отклик»* (цит. из интервью с журналистами по: [17, с. 156]). Эксплуатация сенситивной «детской темы» является эффективной стратегией привлечения внимания как к источнику информации, способствующей росту его популярности, так и к негативной ситуации, — эмоциональный отклик, сопереживание, сострадание стимулируют конкретные действия (послать смс, перечислить деньги в фонд помощи и т. д.). Культурные представления и эмоциональные коды в данном случае усиливают друг друга — образы людей и событий ассоциируются, сочетаются с ожидаемыми эмоциональными реакциями в отношении них. Каждая социальная проблема характеризуется различной степенью эмоциональной реакции и эмоциональной вовлеченности, обусловленных социальными нормами и культурными предпочтениями. Эти эмоциональные переживания активно поддерживаются и утверждаются идеологией и массмедиа, в том числе с помощью риторических и лингвистических средств.

Жертвы и виновники: пример конструирования эмоций

Эмоции тесно связаны с языком, они конструируются различными риторическими и дискурсивными приемами. Социальная проблема является дискурсивной практикой, устанавливающей «различия между ... жертвами и преступниками, друзьями и врагами, своими и чужими, нормальными и ненормальными ... Одни акторы включаются в картину, а другие могут совсем не приниматься во внимание» [21, с. 96]. Социальные проблемы воплощаются в различных социальных группах, о проблемах которых идет речь, и формируют идентичности «жертв» и «виновников», размещая их в символическом пространстве. Использование языка маркирует эти группы как опасные или уязвимые, в отношении которых нужно проводить специальную политику (патернализма, контроля, воспитания или дисциплинирования и исключения). По отношению к ним конструируются коллективные эмоции, и их членам вменяется испытание определенного спектра переживаний.

Представления о том, кто может считаться жертвой, а кто виновником, детерминируются многообразными формами дискриминации и социальной эксклюзии, которые проявляются в представлениях о границах нормы и девиации, в социокультурных стереотипах, связанных с поведением тех или иных групп и «правилах чувствования» по отношению к ним. В результате одни группы с большей вероятностью определяются в качестве жертвы проблемы, а следовательно, «достойны» сострадания и сочувствия, а другие — нет. Если дети чаще воспринимаются как жертва проблемы и вызывают сильное эмоциональное сопереживание, то вряд ли то же самое мы можем сказать о мигрантах, бывших заключенных, бездомных, безработных, ВИЧ-инфицированных. Страх в отношении ВИЧ-инфицированных способствует тому, что на них возлагается чувство вины и личной ответственности за ситуацию, связанную с заболеванием. Примечателен также пример проблемы женщин, пострадавших от насилия, в контексте «научно обоснованного» феномена виктимизации — являются ли они страдающей стороной, «заслуживающей» сочувствия, а потому помощи и поддержки, либо виновницами сложившейся ситуации. Можно встретить прямо противоположные ответы на этот вопрос в публичном дискурсе. Таким образом, эмоции, связанные с различными социальными группами, являются существенным элементом конструирования социальной проблемы, ее карьеры, влияют на представления о вовлеченных субъектах. В то же время конструирование коллективных эмоций по отношению к жертвам и виновникам (к первым «принято» испытывать сострадание и сопереживание, вторые вызывают гнев, тревогу, страх) приводит к своеобразной эмоциональной стратификации. В результате принадлежность к проблеме является еще одним дополнительным маркером статуса и положения индивида в социальной иерархии, а социальные проблемы выступают способом «производства» социальных групп. В разные периоды времени и в разных обществах сочувствие «принято» испытывать к разным социальным группам и беспокоиться по поводу разных социальных проблем.

Теоретический аппарат аффективного поворота, переориентирующий внимание исследователей с вопроса о том, что такое коллективные эмоции, на то, что эмоции делают и как они циркулируют [22], позволяет дополнить представления о жертвах и виновниках проблем. Аффект не является внутренним свойством человека, а циркулирует между идеями, ценностями, объектами, соединяя, «склеи-

вая» их. Тревога, беспокойство, страх, ненависть распространяются между субъектами, вовлеченными в социальную проблему (мигрантами, безработными, подростками), поскольку все они представляют угрозу какой-либо ценности. Аффект выступает своеобразным ассамбляжем, сборкой разнородных элементов, и чем дольше он циркулирует, тем более эффективным становится.

Поскольку в социально-проблемном процессе участвуют как функционеры — эксперты, политики, представители НГО и т. д., которые выражают интересы жертв и виновников и публично представляют их позиции, так и непосредственные участники социальных проблем, следует говорить о разной степени их эмоциональной вовлеченности и апелляции к разным эмоциональным кодам. Речь может идти о различных группах, связанных с социальной проблемой: «а) кто является носителем проблемной ситуации; б) для кого ситуация представляет проблему; в) кто определяет ситуацию как проблемную» [23].

Заключение

Здесь представлена только общая картина возможного включения эмоциональных компонентов в исследование социальных проблем. В качестве перспективных можно отметить следующие направления, которые нуждаются в дальнейшем теоретическом и эмпирическом изучении.

Во-первых, исследования жизненного цикла социальных проблем, сосредоточенные на росте и упадке общественного интереса и внимания к проблеме, должны быть дополнены изучением изменений степени эмоционального отклика и эмоциональной вовлеченности, а также способам их конструирования. Социальные проблемы могут быть проанализированы с точки зрения «эмоционального потенциала», то есть способности вызывать тревогу и беспокойство, сочувствие и сострадание к жертвам проблемы. По аналогии с факторами, детерминирующими возникновение «усталости сострадать», можно выделить факторы, способствующие возникновению и поддержанию тревоги, беспокойства и сопереживания. Спектр социальных проблем, пользующихся общественным вниманием и вызывающих эмоциональную вовлеченность, в определенный период времени может пролить свет и на более глубокие структуры неравенства и дискриминации, позволяет анализировать нормативно-ценностную систему общества.

Во-вторых, отдельного и внимательного рассмотрения заслуживают эмоциональные реакции в отношении жертв и виновников проблем, а также связи между эмоциями и коллективными и индивидуальными действиями. Особый интерес представляет процесс конструирования групп как жертв и/или виновников проблем, предполагающий различия в эмоциональных реакциях гнева и сострадания, за которыми следуют стратегии помощи либо уклонения. Примерами подобных различий могут выступать сочувствие к детям и пенсионерам, гнев, равнодушие, брезгливость, страх к бывшим заключенным, наркопотребителям. Эти различия имеют принципиальное значение для карьеры социальной проблемы, а также для вовлеченных субъектов. Возможно, мы сталкиваемся с примером еще одной формы дискриминации. Особое внимание должно быть уделено языковым средствам конструирования эмоций в социально-проблемном процессе, использованию эмоциональных кодов как своеобразных правил чувствования.

В-третьих, формирование «усталости сострадать» по отношению к социальным проблемам не изучалось систематически в российском обществе, однако не вызывает сомнений, что здесь есть широкое поле для постановки исследовательских задач.

Эмоции (как индивидуальные, так и коллективные) являются конституирующим элементом социальной проблемы. В своем развитии социальная проблема проходит ряд стадий, которые сопровождаются различной степенью общественного внимания и мобилизации ресурсов, разными участниками, вовлеченными в процесс (активисты, политики, профессионалы, жертвы). Однако представляется важным, что каждый этап характеризуется не только когнитивным процессом, рационализирующим и убеждающим, но и различием силы, интенсивности эмоций, а также разнообразием эмоциональных проявлений участников. Социальная проблема проходит путь от максимальной вовлеченности, проявляющейся в беспокойстве и чувстве тревоги, общественном подъеме, повышенном внимании и интересе со стороны различных групп, создании специализированных организаций по решению проблемы до формирования «усталости сострадать», характеризующейся избеганием проблемы и угасанием общественного внимания.

Литература

1. *Spector M., Kitsuse J. I.* Constructing Social Problems. Menlo Park, CA: Cummings, USA, 1977. 184 p.
2. *Ibarra P. R., Kitsuse J. I.* Claims-making Discourse and Vernacular Resources // *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems* / eds J. A. Holstein, G. Miller. Hawthorne, New York: Aldine de Gruyter, 2003. P. 17–50.
3. *Maratea R.* The e-Rise and Fall of Social Problems: The Blogosphere as a Public arena // *Social Problems*. 2008. Vol. 55, N 1. P. 139–159.
4. *Ibarra P.* Problematic Sociality: Uncertainty and the Study of Social Problems // *The American Sociologist*. 2009. Vol. 40, N 1/2. P. 79–88.
5. *Ясавеев И. Г.* «Социальная проблема» в социологическом лексиконе // *Социальная реальность*. 2006. № 6. С. 101–117.
6. *Cvetkovich A.* Mixed Feelings: Feminism, Mass Culture and Victorian Sensationalism. New Brunswick: Rutgers University Press, 1992. 227 p.
7. *Barbalet J. M.* Emotion, Social Theory and Social Structure. A Macrosociological Approach. UK, Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 210 p.
8. *Hochschild A. R.* Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure // *American Journal of Sociology*. 1979. Vol. 85, N 3. P. 551–575.
9. *Turner J. H.* The Sociology of Emotions: Basic Theoretical Arguments // *Emotion Review*. 2009. Vol. 1, N 4. P. 340–354.
10. *Симонова О. А.* Актуальные тенденции в современной социологии: открытие эмоциональности // *Современная социология — современной России: сб. статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского [Электронный ресурс]* / НИУ ВШЭ; РОС; СоПСО. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 1 электрон. диск (CD-ROM). С. 411–422.
11. *Lutz K.* Emotion, Thought, and Estrangement: Emotion as Cultural Category // *Cultural Anthropology*. 1986. Vol. 1, N 3. P. 287–309.
12. *Деева М. И.* От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюркгеймианская традиция в социологии эмоций // *Социологическое обозрение*. 2010. Т. 9, № 2. С. 134–154.
13. *Коллинз Р.* Мой путь в социологии / пер. с англ. П. А. Максимова // *Социологические исследования*. 2006. № 11. С. 125–132.
14. *Kemper T. D.* Social Constructionist and Positivist Approaches to the Sociology of Emotions // *American Journal of Sociology*. 1981. Vol. 87, N 2. P. 336–362.
15. *Хилгартнер С., Боск Ч. Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // *Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия* / сост. И. Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 145–184.

16. Кинник К., Кругман Д., Камерон Г. «Усталость сострадать»: коммуникация и чувство опустошенности в отношении социальных проблем // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / сост. И. Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 187–217.
17. Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 200 с.
18. Гладарев Б. С. Градозащитные движения Петербурга накануне «Зимней революции» 2011–2012 гг.: анализ перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 4 (10). С. 29–43.
19. Loseke D. R. Examining Emotion as Discourse: Emotion Codes and Presidential Speeches Justifying War // *Sociological Quarterly*. 2009. Vol. 50, N 3. P. 497–524.
20. Loseke D. R. Keynote Address: Empirically Exploring Narrative Productions of Meaning in Public Life // *Qualitative Sociology Review*. 2013. Vol. IX, N 3. P. 13–30.
21. Яноу Д., Ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // *Социологическое обозрение*. 2011, № 10 (1–2). С. 87–113.
22. Ahmed S. Affective Economies // *Social Text*. 2004. Vol. 22, N 2. P. 117–139.
23. Методология и методы социологического исследования: учебн. / под ред. В. И. Дудиной, Е. Э. Смирновой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 388 с.

Для цитирования: Богомяккова Е. С. Потенциал социологии эмоций в исследовании социальных проблем // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 4. С. 41–52.

DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.403

References

1. Spector M., Kitsuse J. I. *Constructing Social Problems*. Menlo Park, CA, Cummings, USA Publ., 1977. 184 p.
2. Ibarra P. R., Kitsuse J. I. Claims-making Discourse and Vernacular Resources. *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. Eds J. A. Holstein, G. Miller. Hawthorne, New York, Aldine de Gruyter Publ., 2003, pp. 17–50.
3. Maratea R. The e-Rise and Fall of Social Problems: The Blogosphere as a Public arena. *Social Problems*, 2008, vol. 55, no. 1, pp. 139–159.
4. Ibarra P. Problematic Sociality: Uncertainty and the Study of Social Problems. *The American Sociologist*, 2009, vol. 40, no. 1/2, pp. 79–88.
5. Iasaveev I. G. «Sotsial'naiia problema» v sotsiologicheskom leksikone [«Social problem» in the sociological vocabulary]. *Sotsial'naiia real'nost'* [Social reality], 2006, vol. 6, pp. 101–117. (In Russian)
6. Cvetkovich A. *Mixed Feelings: Feminism, Mass Culture and Victorian Sensationalism*. New Brunswick, Rutgers University Press. 1992. 227 p.
7. Barbalet J. M. *Emotion, Social Theory and Social Structure. A Macrosociological Approach*. UK, Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 210 p.
8. Hochschild A. R. Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure. *American Journal of Sociology*, 1979, vol. 85, no. 3, pp. 551–575.
9. Turner J. H. The Sociology of Emotions: Basic Theoretical Arguments. *Emotion Review*, 2009, vol. 1, no. 4, pp. 340–354.
10. Simonova O. A. Aktual'nye tendentsii v sovremennoi sotsiologii: otkrytie emotsional'nosti [The current trends in contemporary sociology: the discovery of emotionality]. *Sovremennaiia sotsiologiya — sovremennoi Rossii: sb. statei pamiati pervogo dekana fakul'teta sotsiologii NIU VShE A. O. Kryshtanovskogo (Elektronnyi resurs)* [Contemporary sociology for contemporary Russia: a Collection of articles in memory of the first Dean of the faculty of sociology, HSE, A. O. Kristanovskaja (Electronic resource)]. NIU VShE; ROS; SoPSo. Moscow, NIU VShE Publ., 2012. 1 elektron. disk (CD-ROM), pp. 411–422. (In Russian)
11. Lutz K. Emotion, Thought, and Estrangement: Emotion as Cultural Category. *Cultural Anthropology*, 1986, vol. 1, no. 3, pp. 287–309.
12. Deeva M. I. Ot individual'nogo k razdeliaemomu affektu: postdiurkheimianskaia traditsiia v sotsiologii emotsii [From individual to shared affect: postDurkheim tradition in the sociology of emotions]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2010, vol. 9, no. 2, pp. 134–154. (In Russian)
13. Kollinz R. Moi put' v sotsiologii [My life in sociology]. Transl. from English by P. A. Maksimov. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], 2006, vol. 11, pp. 125–132. (In Russian)
14. Kemper T. D. Social Constructionist and Positivist Approaches to the Sociology of Emotions. *American Journal of Sociology*, 1981, vol. 87, no. 2, pp. 336–362.

15. Khilgartner S., Bosk Ch.L. Rost i upadok sotsial'nykh problem: kontseptsiiia publichnykh aren [The rise and fall of social problems: a public arenas model]. *Sotsial'nye problemy: konstruktivnitskoe prochtenie. Khrestomatiia* [Social problems: constructionist perspective: a Reader]. Compiler I. G. Yasaveev. Kazan, Kazan University Press, 2007, pp. 145–184. (In Russian)
16. Kinnik K., Krugman D., Kameron G. «Ustalost' sostradat'»: kommunikatsiia i chuvstvo opustoshennosti v otnoshenii sotsial'nykh problem [“Compassion Fatigue”: Communication and Burnout toward Social Problems]. *Sredstva massovoi kommunikatsii i sotsial'nye problemy: khrestomatiia* [Mass communication and social problems: a Reader]. Compiler I. G. Yasaveev. Kazan, Kazan University Press, 2000, pp. 187–217. (In Russian)
17. Iasaveev I. G. *Konstruirovaniie sotsial'nykh problem sredstvami massovoi kommunikatsii* [Construction of social problems in mass media]. Kazan, Kazan University Press, 2004. 200 p. (In Russian)
18. Gladarev B. S. Gradozashchitnye dvizheniia Peterburga nakanune «Zimnei revoliutsii» 2011–2012 gg.: analiz perspektivy frantsuzskoi pragmaticheskoi sotsiologii [City protective movements in St. Petersburg before the «Winter revolution» of 2011–2012: analysis of the prospects of the French pragmatic sociology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia* [Monitoring of public opinion], 2012, vol. 4, no. 10, pp. 29–43. (In Russian)
19. Loseke D. R. Examining Emotion as Discourse: Emotion Codes and Presidential Speeches Justifying War. *Sociological Quarterly*, 2009, vol. 50, no. 3, pp. 497–524.
20. Loseke D. R. Keynote Address: Empirically Exploring Narrative Productions of Meaning in Public Life. *Qualitative Sociology Review*, 2013, vol. IX, no. 3, pp. 13–30.
21. Ianou D., Van Khul'st M. Freimy politicheskogo: ot freim-analiza k analizu freimirovaniia [Political frames: from the frame analysis to the analysis of framing]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2011, vol. 10, no. 1–2, pp. 87–113. (In Russian)
22. Ahmed S. Affective Economies. *Social Text*, 2004, vol. 22, no. 2, pp. 117–139.
23. *Metodologiia i metody sotsiologicheskogo issledovaniia: uchebn.* [Methodology and methods of sociological research: a textbook]. Eds V. I. Dudina, E. E. Smirnova. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2014. 388 p. (In Russian)

For citation: Bogomyagkova E. S. The potential of sociology of emotions in research of social problems. *Vestnik SPbSU. Series 12. Sociology*, 2016, issue 4, pp. 41–52. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.403

Статья поступила в редакцию 3 октября 2016 г.;
принята в печать 17 октября 2016 г.

Контактная информация:

Богомыякова Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель;
e.bogomyagkova@spbu.ru; elfrolova@yandex.ru

Bogomyagkova Elena S. — PhD, Senior Lecturer; e.bogomyagkova@spbu.ru; elfrolova@yandex.ru